КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Доминанта

ИМПЕРАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Еще в последней четверти XX века некоторые искренне верили, что вековые надежды на достижение человечеством стадии толерантного единства, верховенства разумности и гуманности начинают сбываться. Эти надежды связывали с процессом глобализации, который представлялся многим ученым и политикам важнейшим фактором устранения постоянных конфликтов и интеграции человечества. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капиталов (экономических, политических, символических), увеличение потоков информации, мигрантов и туристов, образование «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Однако обретя небывалую власть над природой в результате достижений научно-технического прогресса, народы и государства в подавляющем большинстве так и не научились строить социально-политическое и естественное пространство собственного обитания и взаимоотношения на основе разума и нравственности, предвидеть пагубные последствия своих действий.

И вскоре выяснилось, что глобализация не только не разрушает сложившуюся планетарную иерархию народов и наций, но во многих случаях ее усугубляет. Противоречия же между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами не исчезают, а только обостряются.

Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран в отношении многих других оборачиваются значительными потерями. В свою очередь, и в

странах «первого мира» почти повсеместно растет недовольство инокультурными иммигрантами, наплыв которых даже в США рассматривается как угроза «национальной идентичности»[1].

Становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим параметрам. Тем самым национализм как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций» остается тенденцией (и фактором) современного исторического развития, реализующейся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Каким же образом исторически связаны между собой «национальное государство» и «глобализация», какова их диалектика в прошлом, настоящем и обозримом будущем?

Быть может, как считают многие отечественные и зарубежные исследователи, в условиях современной глобализации у национального государства нет будущего?

Или, быть может, человечество вступает в эпоху формирования новых форм глобализации на базе национальных концепций (программ) модернизации?

Уже глобальный финансовый кризис 1997 – 1998 годов показал проблематичность надежд на устойчивое развитие в условиях глобализации. По мнению некоторых исследователей, именно «с идеей устойчивого развития связана наиболее реалистическая альтернатива неолиберальной глобализации»[2]. Следует отметить, что западноевропейская форма глобализации человечества оказалась самой успешной в ряду других, способствовала обретению историей качества всемирности и объединению значительной части человечества **на основе европейской модели модернизации.** Помимо либеральных принципов организации экономической жизни, в состав этой цивилизационной модели входили демократические нормы общежития (права и свободы человека и гражданина), адекватной политической формой существования которых и институтом считалось демократическое национальное государство. Интересно, что именно крупнейшие европейские империи оказались проводниками западноевропейской формы глобализации, ее трансформации, по мере распространения, в евро-атлантическую модель цивилизационного развития, которая остается доминирующей вплоть до наших дней.

Нации, добившиеся в XVI – XVIII веках успехов на пути модернизации, объективно осознали свой потенциал и стали счи-

тать себя в XVIII – XIX веках вершителями судеб мира. Однако традиционные империи не выдержали столкновения с новым типом империй, ядром которых были национальные государства, а объединительной основой – национализм.

Не опасаясь преувеличения, можно утверждать, что национализм, отражающий устремления наций (в социокультурном и гражданско-политическом понимании этого термина), представляет собой в современном мире наиболее универсальное и распространенное явление, не сводимое лишь к его идеологической и социально-политической составляющей. С одной стороны, народы и государства оказались еще более тесно связанными новыми системами транспортных и информационных коммуникаций, неправительственных и государственных международных финансовых, экономических и политических организаций. А с другой, поделенный когда-то на сферы влияния между несколькими империями и военно-политическими блоками мир после распада колониальной системы, Советского Союза и мировой системы социализма оказался политически и экономически более чем прежде дифференцированным, включив в мировое сообщество более сотни новых национальных государств, в свою очередь разделившихся на страны «золотого миллиарда», страны «второго», «третьего» и «четвертого» мира, которым было предложено жить по неолиберальным рецептам МВФ и Всемирного банка, контролируемых США. Так, 500 из 53 тыс. ТНК контролируют до 50% мирового промышленного производства, 63% внешней торговли, 80% патентов и лицензий на авангардные технологии. 5 супер-ТНК контролируют до 50% мирового выпуска товаров длительного пользования. Уже к 1993 году в 10 продвинутых странах было сосредоточено 84% мировых НИОКР. В 2000 году в державах G-8 (плюс Китай, Индия) проживало 88% пользователей Интернета. 90% сайтов в мировой паутине – американские.

По мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим[3]. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажируются в США решающая часть виртуальной экономики базируется в США[4]. Поэтому скроенная по неолиберальным лекалам **глобализация конца XX – начала XXI века оказалась для США способом соб-**

ственного национального развития, т.е. развитием национального государства США.

А что же с национальным развитием других стран? Ограничимся приведением лишь нескольких данных, опуская их (и без того очевидную) интерпретацию. 3,3 млрд. живущих на планете недоедают. 1,2 млрд. не в состоянии получать медицинские, образовательные услуги. Это на фоне того, что 10% населения потребляет 90% природных богатств. 20% жителей планеты контролирует 70% глобальной торговли товарами и предоставление услуг. Из 80% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет только 1%. США, представляя 4% населения мира, используют 40% мировых потребительских ресурсов, дают 25% выбросов CO_2 (Германия, имея 0,3% лесов и 1% населения мира, суммарно выделяет 4% окиси углерода). Уровень неграмотности взрослого населения (от 15 лет) в Южной Азии – 51%, в Африке – 43%, на Ближнем Востоке, Магрибе – 39%.

В этой связи колоссальный диспаритет доходов выглядит чем-то само собой разумеющимся. **358 миллиардеров владеют таким же объемом средств, что и 2,5 млрд. людей.**

Таким образом, современная стадия глобализации человечества амбивалентна: становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим экономическим, политическим и социокультурным параметрам. Современная глобализация не только не нивелирует, но и усугубляет планетарную иерархию народов и цивилизаций. Противоречия между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами не исчезают, а обостряются. Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая естественную защитную реакцию противодействия.

На этом фоне особенно актуальными становятся проблемы глобального политического регулирования межгосударственных отношений и глобального управления. Кем и как это должно осуществляться? Многие считают ответ на этот вопрос очевидным – США. Вот, например, С. Хантингтон абсолютно не сомневается в реальности имперской перспективы для США и не желает такой перспективы лишь по той причине, что при этом сама «Америка утрачивает свою национальную идентич-

ность и становится метрополией всемирной империи»[5]. Просто в данном случае для Хантингтона сохранение национальной идентичности важнее имперского будущего.

Впрочем, как обратил внимание на это обстоятельство Ю. Тютюнник, если ранее бывшие в истории экспансии всегда имели этнически окрашенный имперский центр, то вненациональный характер глобализации приводит к тому, что центром ее может стать лишь вненациональная империя[6]. И лучшего кандидата на эту роль, чем США – не найти. А эта империя, считает он, в свою очередь, борется с амбициями миниимпериализмов, базирующихся на своих национальных интересах (евразийство в России, боливаризм в Венесуэле, идеи чучхе в КНДР, имперские амбиции Японии, Китая и пр.). Так сталкиваются два типа имперскости – старый национальный и новый вненациональный.

Социально-экономические изменения, вызванные глобализацией, обнажили острую проблему новых форм управления. Если реальность, подлежащая управлению, представляет собой не национальные народно-хозяйственные комплексы, а транснациональные сети, возникает вопрос о пределах способа управления, связанного с национальным государством. В качестве альтернативы выдвигается принцип сетевого самоуправления, управление, осуществляемое транснациональными структурами, а также управление через ТНК. **Но в таком случае возникает принципиальный вопрос – адекватны ли эти постнациональные – постнациональные хронологически, а по сути наднациональные, вненациональные, – формы управления современной стадии глобализации?**

Широкие дискуссии ведутся также по поводу Всемирной торговой организации. Ведь общеизвестно, что требование либерализации торговли вступает в противоречие с национальными требованиями контроля качества продукции, особенно в части торговли продуктами с добавлением генетически-модифицированных компонентов. Решения данной проблемы пока еще нет. Это – характерный, но далеко не единичный пример противоречия интересов национального государства и глобализационных процессов. Само собой ясно, что такого же рода противоречия могут обостриться в результате либерализации торговли в сфере природных ресурсов, земельного фонда, средств массовой информации. Проблема иностранного инвестирования переходит здесь из экономического разряда в политический. Кроме того, могут быть ущемлены интересы социальных инфраструктур, культурных

объектов, существующих условий труда и состояния окружающей среды. А сами государства в таком случае неизбежно оказываются в неравноправном положении.

Анализ процессов, происходящих с национальными государствами в условиях глобализации, требует комплексного подхода. В. Наварро верно пишет, что термин «глобализация» используется ныне для обозначения целого комплекса явлений: глобализация торговли, производственных инвестиций, финансового капитала[7].

Безусловно, под воздействием финансово-экономической, политической и социокультурной глобализации эрозии подвергается основное – духовная скрепа наций и национальных государств, в итоге и определяющая национальное самосознание образующих их народов, основой которого была и остается национальная идентичность каждого из нас. Из-за «прозрачности» границ и роста миграционных потоков, способствовавших образованию в пределах национальных государств инокультурных диаспор, не желающих или не могущих по каким-либо причинам интегрироваться в национальную культуру и овладевать национальным самосознанием, почти повсеместно, отмечает Самюэль Хантингтон, идет процесс «фрагментации национальной идентичности», которой «пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным»[8]. И с этой фрагментацией, в результате которой происходят многие современные негативные и даже опасные социокультурные и социально-политические процессы, нам приходится считаться.

В этой связи актуализируется вопрос о формировании «глобальной культуры» и «глобального этоса». Действительно, нынешний рубеж веков также стал временем широкомасштабного распространения универсальных методов мышления и способов коммуникации с помощью новейших информационных инфраструктур. Это принципиальная особенность современной стадии глобализации.

Сочетание или своеобразное сосуществование глобального и локального выражается с помощью понятия **мультикультурализма**. Не следует однако забывать, что мультикультуральная среда – вовсе не пространство свободы. «Неолиберальный “плюралистический” мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире»[9].

Массовое сознание дезориентируется и в настоящее время лучше соответствует теориям «массового общества», чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся «глобальную цивилизацию» как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную[10]. Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление[11]. Н. Стивенсон уточняет принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям[12]. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. По мнению К.К. Шварцман, множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу[13]. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая, а следом, естественно, и политическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения потребителем именно этих моделей и, соответственно, роста прибылей.

Добиваться экономических и политических успехов, воздействуя на сознание, оказалось значительно эффективнее, чем с помощью известных до сих пор технологий. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству. Интеграционные процессы по формированию глобальных транснациональных идентичностей идут в массовом сознании как через воздействие «информационного империализма», так уже и через самоорганизацию. Эталоном здесь выступает транснациональная идентичность глобальной буржуазии, которую тот же З. Бауман назвал космополитизмом «туриста». В результате социокультурное развитие человечества сегодня идет как противостояние транскультурной

идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству[14].

В этих условиях национальные культуры по-прежнему остаются мощным фактором мирового развития. Но это уже не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно, как пишет А.А. Галкин, «не только оборонять свою идентичность от культурной и псевдокультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности»[15]. Н. Стивенсон совершенно справедливо пишет, что работа правительства, направленная на укрепление у населения чувства единой судьбы и культуры, является одной из центральных задач[16]. Отсюда следует важность культурной политики национального государства, по крайней мере, в отношении действительно элитных образцов, символов национальной культуры. Примером позитивного сохранения культурной идентичности в условиях давления космополитической культуры является, благодаря помощи своего национального государства, французская культура. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире. Следует согласиться с Ю. Хабермасом в том, что поддержание национального в глобальной культуре имеет сегодня не угасающее, а, напротив, усиливающееся значение[17].

В конечном счете, формирование и тех и других зависит от темпов и характера разворачивания двух противоположных по направленности, но тесно взаимосвязанных процессов – макро и микрорегионализма.

Национальное государство испытывает давление глобализации как «сверху» в виде тенденции к объединению государств в рамках более или менее масштабных соглашений, предполагающих создание надгосударственных структур управления, так и «снизу», в виде сепаратистских настроений, питаемых, помимо прочего, тем же самым процессом «раскрытия» национального государства сверхнациональными структурами. Оказавшись между ними, государство пытается переосознать свою идентичность.

Макрорегионализм может быть признан формой позитивного дерегулирования, когда ответственность за развитие не сбрасывается, а передается на наднациональный уровень, благодаря чему осуществляется более разумное регулирование наличных ресурсов в рамках сообщества государств.

В этом заключается огромный общекультурологический (культурологический в широком значении слова, т.е. охватывающий все сферы человеческой жизнедеятельности – искусство, науку, образование, экономику...) потенциал современной глобализации, принципиально меняющий направление преобладающего в настоящее время вектора «окультуривания планеты» как одностороннего движения массовой культуры (в основном американизированной) к национальным культурам (по существу – навязывания неких штампов этого масскульта) на многосторонний, разноплановый процесс взаимного действительного обогащения.

И здесь должны обнаружить себя особености модернизации национального государства на современном этапе глобализации.

По нашему убеждению, национальные государства просто обязаны воспользоваться раскрывающимися в этом процессе возможностями. Им следует провести как своими силами, так и с привлечением соответствующих иностранных и международных организаций ревизию региональных культурных традиций для выявления истинно элитных образцов и символов собственных национальных культур в целях определения путей более достойного дальнейшего их развития на благо своих локальных сообществ, и, в то же время, создания возможностей для обогащения культур других сообществ, делая, тем самым, свой частный культурный опыт в итоге достоянием глобального человечества.

Принципиальная новизна в предлагаемом нами алгоритме развития национальных культур заключается в том, что **современным национальным государствам следует не слеподогматично противостоять** влиянию инородной культуры как «чужой» и, только в связи с этим, чуждой, якобы вредной для своей культуры и даже угрожающей собственной национальной безопасности, но в то же время **не безоговорочно воспринимать** «масскультовские плоды глобализации». Им необходимо проводить свою новую национальную культурную политику, создавая – на основе своего уникального историко-культурного наследия и используя все богатство мировой культуры – современный облик своей культуры, именно современной собственной национальной культуры.

Процесс этот, безусловно, крайне сложен в своей реализации. Однако, на наш взгляд, **на данном этапе глобализации, на стадии обострения противостояния локального и глобального, – это единственно конструктивный подход к решению проблемы, рас-**

крывающий возможности для гармоничного сочетания интересов различных государств.

Макрорегионализм не случайно стал, начиная со второй половины 1980-х годов, повсеместно распространенным феноменом (АСЕАН, ЕС, НАФТА, а теперь и ЕВРАЗЭС). В макрорегионализме можно усмотреть поиски государствами форм приспособления к новой ситуации, хотя ряд авторов видит в нем напротив тенденцию к закату национального государства[18]. Но, все же, совершенно очевидно, что региональная интеграция осуществляется для повышения конкурентоспособности участников в борьбе с глобализацией более высокого порядка – глобальным доминированием какой-либо одной державы, в настоящее время США. Вместе с тем сами США являются участниками региональных интеграционных союзов: инициировали НАФТА, взаимодействуют с АСЕАН. Так или иначе, регионализация способствует укреплению мирового баланса сил и делает ситуацию в мире более стабильной. В этом смысле большие надежды мы связываем с проектом единой Европы, которая является пока еще единственным реалистичным ответом на вызовы глобализации в ее современном воплощении.

Как пишет У. Хаттон, «одним из важнейших вкладов ЕС в жизнь государств-членов могло бы стать возрождение веры в то, что деятельность государства может быть результативной, а активное участие в публичной сфере – делом стоящим и полезным»[19].

Оценки перспектив европейской интеграции у социал-реформистски настроенных исследователей в мире очень позитивные. Эту позицию разделяют эксперты из России и из стран «третьего мира», видящие в европейской альтернативе прежде всего геополитический смысл. А. Моханти пишет, что «европейский дрейф в сторону автономности от американского проекта вполне может пойти быстрыми темпами и превратить Европу в независимый центр силы в ближайшем будущем»[20]. А М.Г. Делягин и его коллеги из Института проблем глобализации вообще проводят идею об «углублении региональной интеграции до уровня, превосходящего интеграцию глобальную» в качестве «единственной альтернативы нестабильности финансовых рынков, вызванной глобализацией последних» и называют европейскую интеграцию первым реальным примером такой альтернативы[21]. Хотя, впрочем, существуют и другие мнения, в том числе и такие однозначно резкие, как мнение лауреата Нобелевской премии Ж. Сарамагу: «Противовеса американскому доминированию не существует. Европа не играет никакой роли»[22].

И, тем не менее, десятки миллионов алжирцев, марокканцев, индийцев, турок – выходцев из Африки и Азии, уже в нескольких поколениях интегрированные в социокультурное пространство национальных государств (Франции, Испании, Италии, Германии, Бельгии и др.) и искренне ощущающие себя **Европейцами** – убедительное тому подтверждение.

В условиях эскалации глобализационных процессов и катастрофического оскуднения природных запасов укрепление национальных государств остается единственным условием, позволяющим осуществлять в настоящее время и гарантировать в перспективе контроль над природными и человеческими ресурсами – всеми богатствами страны, что в совокупности только и может обеспечить выживание и дальнейшее развитие собственных народов.

И для сохранения своей государственности наступило время (особенно для России) осмыслить свои геополитические интересы, выработать адекватные геостратегические векторы развития страны и начинать жить в соответствии с собственными национальными интересами.

Россия – уникальное своим природным богатством, колоссальностью территории национально-государственное образование. Однако доля освоенных территорий у нас ничтожна. Наша интеграция в мировое хозяйство выглядит как практика сырьевого расточительства, тем более нелепого, что экспорт необработанного сырья убыточен. Очевидно: мировой финансово-экономический кризис-2008 не только сохранил, но и усугубил сырьевую структуру отечественного экспорта. Доля топливно-энергетического комплекса в общем объеме поставок 2008 г. составила около 50%, тогда как доля машин и оборудования – приблизительно 9%. Принятая нами экспортная политика сбивает мировые цены и способствует перераспределению доходов не в нашу пользу. При таком развитии событий в мире установится новый порядок: без великой России, но с Россией – сырьевым донором.

Перспектива строительства «общего дома» – в последовательном методичном утверждении новой политики, проводимой национальными государствами, рациональной и реалистичной, направленной на сохранение национальной идентичности и обеспечение национальных интересов, с одной стороны, и гармоничную интеграцию в наднациональное, глобальное пространство, с другой стороны.

Мир подошел к черте, когда при неизменных темпах эксплуатации природного потенциала обнажились пределы роста: запросы на сырье не могут удовлетворить ни расточаемые естественные запасы, ни заменители. Будущее за теми, у кого ресурсы. Так что в ближайшее время стремительно повысится роль неперенаселенных стран – обладателей территорий (недра, фауна, флора, водные ресурсы): Монголии, Канады, Аргентины, Австралии, Бразилии. Первое место в этом ряду занимает Россия. Однако, к сожалению, это не позволяет делать однозначно радостные выводы о безмятежном будущем российского государства. Это всего лишь означает, что территория современной России будет яблоком раздора для многих, и не только соседних, государств.

И роковой вопрос можно сформулировать таким образом: **сможет ли Россия создать свою долгосрочную программу геоэкономического, геополитического и социокультурного развития, разумно сочетающую общечеловеческие и собственные национальные интересы?**

В этом и заключается парадигма модернизации России как современного национального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.

[2] *Вебер А.Б.* Взгляд на политику неолиберальной глобализации // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 210.

[3] *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. journ. of health services. 1998. Vol. 28. № 4. – P. 671.

[4] Многоликая глобализация. – М., 2004. – С. 370.

[5] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 568.

[6] *Тютюнник Ю.* Антиглобализм и тоталлология // Альтернативы. 2001. № 4. – С. 53 – 55.

[7] *Navarro V.* Neoliberalism, «globalization», unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. journ. of health services. 1998. Vol. 28. № 4. – P. 658.

[8] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – С. 36.

[9] Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005. – С. 185.

[10] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М., 2002. – С. 178.

[11] *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. – М., 2006.

[12] *Stevenson N.* Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. – Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. № 1.

[13] *Schwartzman K.C.* Globalization and democracy // Annual revue of sociology. – Palo Alto, 1998. Vol. 24. – P. 176.

[14] *Журавский А.В., Садов О.В., Фетисов А.В.* Субъекты миропорядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 77.

[15] *Галкин А.А.* Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. – М., 2004. – С. 18.

[16] *Stevenson N.* Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. quart. – Berkeley (Cal.), 1997. Vol. 38. № 1.

[17] *Хабермас Ю.* Политические работы. – М., 2005.

[18] См.: *Waters M.* Globalization. – L.; N. Y.: Routledge, 1996. – P. 14.

[19] *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. – М., 2004. – С. 404.

[20] *Моханти А.* Альтернативы однополярному миропорядку // Глобализация и столкновение идентичностей. – М., 2003. – С. 232.

[21] Практика глобализации. – М., 2000. – С. 174.

[22] *Сарамагу Ж.* Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. – С. 179.

Аннотация

В статье показано, что характерной особенностью современного этапа глобализации является не только нарастание недовольства стран «второго» и «третьего» мира вестернизацией (в первую очередь, американизацией), но и настороженность самих стран «первого» мира и даже США наплывом инокультурных иммигрантов, что рассматривается как угроза их собственной национальной идентичности. Предлагается разработка принципиально новой Культурной политики в качестве основного императива модернизации национального государства.

Ключевые слова:

модернизация, национальное государство, императив, формы глобализации, национальные интересы.

Summary

This article showed that the special feature of the present stage of globalization is not only the growing unrest in the «Second» and «Third World» countries by westernization (in the first place by americanization), but also alertness of the «First World» countries themselves (including the USA) by influx of immigrants representing another cultures considered to be a threat of their national identity. The article suggests a principally new cultural policy as a main imperative of national state modernization.

Keywords:

modernization, national state, imperative, globalization forms, national interests.

Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. Мариносян